Ляйсан НИГМАТУЛЛИНА (г.Казань) **ПЛЮШЕВАЯ ОБЕЗЬЯНКА**

Выходной день — это всегда праздник. Люди высыпали на улицу не для какой-либо цели, а просто так, чтобы приобщиться ко всему живому и неживому. Свет, падающий на асфальт, был по-будничному торжественен и ярок. Последние лучи уходящего лета, сумерки. Еще этот день был хорош тем, что я гуляю с родителями: они сегодня в кои-то веки свободны. Мама, папа, я гуляли неспешно, смакуя каждую минутку, проведенную вместе. Прохожие кажутся милыми и приветливыми, и все по-воскресному радостно.

Центром нашего города мы считали сеть магазинов с яркими вывесками «Тысяча мелочей» и «Детский мир». Все дети тогда одевались в Детском мире в один и тот же фасон одной и той же расцветки. Понятий стиль, индивидуальность не существовало. Все были одинаково равны и счастливы.

Поэтому не было необходимости долго изучать скудный ассортимент. Приходили и покупали то, что есть: октябрята и пионеры.

Блуждающим взглядом и быстрыми шагами мы прошли мимо отделов с верхней одеждой и обувью, дальше — отдел с канцтоварами. Но вот отдел с игрушками пройти было нельзя. Все внимание мое было приковано к стеллажам, на которых аккуратно были разложены: плюшевые зайцы, медведи, нарядные куклы с буклями на голове. Были куклы-школьницы, куклы-медсестры… и даже куклы-космонавты — одинаковые по форме и даже с одинаковым выражением на лице они разнились только одежкой. С

конвейера ежедневно сходило огромное количество одинаковых, как и все советское, пластмассовых кукол, которые должны были удовлетворить потребности неизбалованных советских детей. Такие куклы были в каждой семье и по несколько. Меня они не заинтересовали. Мой взгляд упал на плюшевую коричневую с желтым обезьянку. Я взяла ее в руки и подняла вверх, она как бы улыбаясь мне весело, заболтала ножками. Озорные глазки смотрели дерзко и смело. От обезьянки веяло чем-то нездешним, по-южному отчаянно веселым. Среди всей однообразной серости это был как глоток радости.

Хотелось думать и мечтать о чем-то далеком и прекрасном.

— Купите, а, — неуверенным голосом спросила я.

Родители переглянулись, и мама взглянула на ценник — целых девять рублей.

— Это очень дорого.

На эти деньги можно было купить босоножки.

— Нет, определенно нет.

Папа молча подчинился, так как мнение мамы было решающим, она работала бухгалтером и соответственно знала цену вещам. Будучи экономной до скаредности, не позволяла брать верх слабостям.

— Нет, если бы это было что-то необходимое, а то обезьянка, хем, — недовольно пробубнила мама.

Взяв у меня из рук плюшевую обезьянку, она аккуратно положила ее обратно на полку и поспешно стала двигаться по направлению к выходу.

Обратно мы не шли, а плелись по дорожке — длинной и праздничной в начале пути, а сейчас бесконечной и серой, казалось специально вымощенной для пешеходов, омраченных своими тяжкими думами. Так и мы шли — как бы вместе, но порознь, каждый думал о своем. Мама, наверное, думала об ужине, подсчитывая потраченные деньги; папа, я не знаю, о чем он мог думать, наверное, он думал о буровых установках своих. Я же думала о своей маленькой несчастной жизни, лишенной радости, где деньги решали все и мешали мне быть по-настоящему счастливой. Что моим родителям до моих переживаний, они черствые и скучные люди, которые живут от зарплаты до зарплаты. Так рассуждала и блуждающим взглядом смотрела на окружающих, не выделяя теперь никого. И велико было мое собственное горе.

Вдруг я натолкнулась на остановившегося и преградившего мне путь отца. Взгляд его был красноречивее слов. Я никогда его таким не видела. Мне он всегда казался сухим и

черствым человеком.

— Тебе очень нужна эта обезьянка?

— Н-н-у… — стала что-то непонятное мычать я.

Отец порылся в карманах брюк и достал оттуда целую десятирублевую купюру, янтарную в лучах света, протянул ее мне и сказал:

— Иди скорей, скоро закроется магазин!

Я не знала, что мне делать, даже не успела что-то почувствовать .Я подняла глаза на маму. Мама вздохнула и улыбнулась.

— Ну, что стоишь, беги же!

Дальнейшее можно было сравнить с воспроизведением фильма, только в ускоренном темпе. Дорога была длинной, но и силы мои как бы удвоились и стали неиссякаемыми. Запыхавшаяся я уже атаковала дверь магазина, уже закрытую, хотя время не пробило и не сошлось с указанным на вывеске магазина. Крупная женщина со шваброй в руке грозно стояла в дверях, открывая ее только для выходящих. Она резко преградила путь и выкрикнула что-то устрашающее. Мне нужно было во что бы то ни стало проникнуть в магазин, потому что ждать до завтра — это было бы пережить целую

вечность. Как собачка, я было уже проникла снизу, грозный окрик и крепкие руки тетеньки со шваброй меня остановили. И я испуганная, почти уже готовая расплакаться, стала умолять:

— Тетенька, о-безь-ян-ка, только, я быстро!

В раскрытой ладони лежал помятый червонец.

Вид красной гербовой бумаги немного смягчил сварливую женщину — как-никак, это же прибыль.

— Только быстро, — почти заговорщицки процедила, и хитрыми глазами — по сторонам, и — пропустила.

Обезьянка — солнечная и радостная — снова была у меня в руках. Теперь я гордо вышагивала по длинной дороге, пытаясь заглянуть в глаза каждому прохожему и увидеть в них одобрение или даже зависть. Ведь у меня в руках не просто плюшевая игрушка, а частичка нездешней южной радости и надежды на то, что все в жизни будет хорошо, и что главное — все же не деньги, и родители не всегда черствые и скучные, они когда-то тоже были маленькими и мечтали о дальних странах, и у них была солнечная и радостная мечта.

Эта обезьянка и теперь у меня. Она так же хитро улыбается, только плюш на ней поистрепался за тридцать лет, но она не выброшена детьми и внуками, она скромно

сидит, облокотившись на стену, в детской комнате на столе среди других ярких игрушек, конструкторов, мячей и разноцветных шариков.

Как бы я хотела узнать: о чем она сейчас думает? Моя милая плюшевая обезьянка.